

онеры часто и не подозревают, какому серьезному испытанию подвергаются они общепризнанные в их среде учения. Многие из них так и умирают в тюрьмах или на виселицах, вполне уверенные в том, что они действовали в духе именно тех учений, между тем как в сущности они были представителями новых тенденций, возникших на почве старых теорий, но уже переросших их и готовых найти новое теоретическое выражение. Так было и у нас с тех пор, как окрепло «народовольческое» направление»⁸⁷.

«Ход вещей» пришел в столкновение с «ходом идей». Однако «ход вещей» — это не просто объективное экономическое развитие страны по буржуазному пути, но прежде всего и главным образом революционная практика. Именно она выявила в форме антиномии «социализм» — «политическая борьба» противоречие народнического социализма потребностям освободительной борьбы в эпоху нарождавшегося в России капитализма. Другое дело, что в такой резкой форме антиномия существовала не для всех. Пожалуй, только Плеханов со свойственным ему стремлением к целостности взглядов, логической завершенности доктрины, формулировал антиномию столь четко и бескомпромиссно. Однако даже те, кто, признавая политическую борьбу, избегали обращения к теории социализма, чувствовали, насколько довлеет над ними необходимость изменения существующих взглядов.

Революционная практика не только вызвала к жизни кризисную ситуацию в народническом движении, но и сделала ее разрешение необходимостью. Ибо противоречие между доктриной и тактикой революционеров появилось не случайно, не в результате допущенных ошибок или отклонения от правильного пути. Как мы пытались показать, сама логика борьбы за социализм вывела народников в сферу политики, благодаря которой со всей ясностью выявился основной порок исходной доктрины. То, что раньше выступало как различие точек зрения народнических публицистов, с возникновением народовольчества превращалось во внутреннее противоречие самого революционного движения. Своим героическим, но безнадежным единоборством с самодержавием «Народная воля» поставила проблему социализма и политической борьбы, так сказать, на лезвие ножа. Русские социалисты оказались перед решающим выбором: либо отказ от поддержки развернувшейся политической борьбы, либо отказ от теории, в которой «политике» не находилось места.

⁸⁷ Плеханов Г. В. Там же. С. 40–41.

Г. В. Плеханов: переход к марксизму

Сила, сущность и значение первых марксистских работ Плеханова заключались прежде всего в новом для России понимании исторического процесса, которое в них изложено. Благодаря этому пониманию истории социалистическое движение России обрело адекватную теоретическую базу, сознание правоты и необходимости. В немногих сжатых положениях Плеханов рисует картину классовой борьбы, идущей в странах Западной Европы, акцентируя внимание на том, что борьба между классами ведется политическими средствами. «...Ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей»⁸⁸.

Пока вопрос о политическом освобождении страны, доказывает Плеханов, ставится с крестьянско-социалистической точки зрения, он не имеет удовлетворительного решения: буржуазия, а не крестьянские массы воспользуется прежде всего благами политической свободы. Более того, получив свободу слова и действия, буржуазия попытается использовать ее против социалистической партии: в политике на благодарность вчерашних союзников рассчитывать не приходится. Но по отношению к пролетариату, борющемуся за свое экономическое освобождение, ни о каком проигрыше речи быть не может. Политический строй общества представляет для рабочего класса далеко не безразличное условие его развития. Рабочие «стремятся... к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния»⁸⁹. Русские революционеры не могут больше стонать политической борьбы. Непонимание ее значения для социализма свидетельствует лишь о незрелости революционного движения. К счастью, логика событий, подчеркивает Плеханов, вывела русское движение на другую дорогу и заставила революционеров в лице «Народной воли» добиваться политического господства для осуществления экономической революции.

⁸⁸ Плеханов Г. В. Сочинения. М., [б. г.]. Т. 2. С. 55.

⁸⁹ Там же. С. 58.

Рассматривая программу «Народной воли» с точки зрения пролетарского социализма, Плеханов констатирует, что в той форме, в которой эта программа представлена в основных документах, она является простым продолжением радикально-демократической традиции. То социалистическое, что есть в народовольчестве, носит благодаря народнической доктрине утопический характер, практическая же деятельность партии никак не соотносится с ее основными целями. Главное, что мешает народовольчеству приобрести социалистически-революционный характер, — это, по мнению Плеханова, непонимание значения самостоятельной классовой борьбы пролетариата. Исходя из общей бакунистской концепции, народовольцы считали наличное соотношение политических сил и экономических факторов в стране чрезвычайно выгодным для социалистов, пока и поскольку буржуазия еще не сложилась в социальную и политическую силу. Однако «выгода» эта носит в действительности мнимый характер, доказывает Плеханов. Далеко не всякие условия способны вызвать к жизни массовое революционное движение, подобное тому, какое русские революционеры наблюдали в западно-европейском пролетариате. Неразвитость классовых антагонизмов приводит к неразвитости политического сознания населения, что обрекает социалистическое движение интеллигенции на неудачу. Однако два пореформенных десятилетия не прошли для России даром. Общественная ситуация изменилась коренным образом благодаря развитию русского капитализма и возникновению пролетариата. Последний не только способен, как показывает опыт Западной Европы, к самостоятельной исторической инициативе, но более, чем любой другой класс, восприимчив к движению, начатому русской революционной интеллигенцией.

Специфика пролетариата как революционного класса, подчеркивал Плеханов, имеет решающее значение для судеб русской освободительной борьбы. Во-первых, пролетариат не просто угнетенный, обездоленный класс, лишенный средств производства. Он еще и самый революционный класс современного общества, связанный с наиболее передовой формой производства. Все промежуточные классы уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается, организуется, просвещается. Во-вторых, подчеркивает Плеханов, «пролетариат не нуждается в материальном богатстве, чтобы развиться до понимания условий своего освобождения. Его нищета, — обусловленная не бедностью и

дикостью общества, а недостатками общественной организации, — такая нищета не только не затрудняет, но облегчает понимание этих условий»⁹⁰. Таким образом, в лице пролетариата русские социалисты имеют общественную силу, которая способна противостоять всяческим зигзагам исторического хода вещей. Все дело заключается в развитии политического сознания рабочего класса, в его сплоченности и организованности. «Именно эти элементы его силы, — пишет Плеханов, — и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы, в первый же период конституционной жизни России, наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой»⁹¹. Плеханов не преуменьшает трудностей, которые стоят перед русскими социалистами на этом пути в условиях абсолютизма. Широкое, политически сознательное движение рабочего класса предполагает наличие ряда демократических учреждений. Но завоевать эти учреждения, в свою очередь, без политической борьбы пролетариата невозможно. Прорвать порочный круг можно только путем постепенного политического воспитания рабочего класса.

Это было началом пролетарского социализма в России. Именно здесь проходит рубеж, отделяющий его от народничества. И Ленин недаром усматривал в работе «Социализм и политическая борьба» подлинный исходный пункт русской социал-демократии. «Первое profession de foi всемирного социализма, “Коммунистический манифест” установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социал-демократизма, брошюра Плеханова “Социализм и политическая борьба”, вышедшая в 1883 г., подтверждала эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма

⁹⁰ Там же. С. 66.

⁹¹ Там же. С. 84.

и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы»⁹².

Современному читателю трудно по достоинству оценить всю новизну плехановского решения проблемы русской социалистической революции на пути развития классовой борьбы пролетариата. А между тем для русского революционного движения начала 80-х годов это решение обладало всей самобытной силой учения, только что рожденного в результате величайшего усилия мысли. Признание пролетариата конкретным субъектом русской социалистической революции – свидетельство решительного пересмотра всего традиционного понимания целей и задач революционного движения. Народники всех направлений – и землевольцы, и народовольцы – ориентировались на то, что инициатива социального переворота должна исходить от революционной интеллигенции. Последняя, с помощью ли социалистической пропаганды или захвата орудий государственной власти, побуждает народ, преимущественно крестьянство, к непосредственным действиям против своих врагов. Словом, предполагалось, что народ уже готов к революции. Стоит только интеллигенции устранить путы, наложенные на него темнотой или деспотизмом, как сразу же обнаружатся все признаки внутреннего обновления.

Схема социальной революции, выдвинутая Плехановым, принципиально отличалась от подобного рода ожиданий. Прежде всего, она исходила из того, что действительный процесс революции нельзя отождествлять с деятельностью сознательного меньшинства. Социальная революция – это, согласно Плеханову, длительный исторический процесс, который связан с развитием производительных сил и преобразованием экономического базиса производства. Она, следовательно, возможна там, где возникли производительные силы, обладающие тенденцией к росту, где существует и крепнет сознательное движение пролетарских масс. «Только там, где исторические обстоятельства вырабатывают новый экономический базис для переустройства общества в интересах ...нижнего класса, только тогда, когда класс этот начинает сознательно относиться к коренным причинам своего рабства и к существенным условиям своего освобождения, – только там и только тогда, – подчеркивает Плеханов, – можно, не впадая в маниловщину, “ждать” новой социальной

революции».⁹³ Пока этих условий нет в наличии, революционный переворот не приобретет социалистического характера, даже если революционному меньшинству удастся захватить орудия правительственной власти. Оно истощит себя и выродится в повторных и безнадежных попытках создать средствами принуждения экономические условия своего сохранения и существования. Социальная революция, таким образом, связывается Плехановым с определенными историческими условиями экономического и социального развития; она возможна там, где вместе с капиталистическим производством развивается промышленный пролетариат. Плеханов уверен, что Россия уже вступила на этот путь. Правда, «главный поток русского капитализма пока еще невелик; еще не много таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению»⁹⁴. Россия ступила на путь капитализма и, по-видимому, пройдет его до конца. С этим обстоятельством должна считаться русская социалистическая партия, если она хочет превратиться в серьезную политическую силу, считаться не в смысле «определения на службу» к русскому капиталу, а в смысле развития и просвещения класса, способного в будущем уничтожить капитализм.

Трудности, вставшие перед Плехановым, не следует преуменьшать – речь шла не просто о признании марксизма как теоретической доктрины, но о применении теории Маркса к анализу русской действительности, к проблемам русского освободительного движения. Нужно было объяснить посредством социалистической теории особенности объективного положения дел в России, выработать революционную концепцию и методы борьбы, по существу, новые, несмотря на их видимое сходство с опытом освободительного движения в других странах. Нужно было на основе критического анализа определить исходную точку русской революции, доказав, что борьба за политическое освобождение России способна при определенных условиях (политическое воспитание пролетариата) стать прологом социалистической революции. Наконец, предстояло дать

⁹³ Плеханов Г. В. Там же. С. 238–239.

⁹⁴ Там же. С. 71.

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 311–312.

четкий и определенный ответ, как ниспровергнуть власть самодержавия. Словом, проблем было много, и надо удивляться не тому, что Плеханов не решил их все, а тому, что он все-таки сумел обрисовать позицию, на основе которой можно было двигаться дальше, вырабатывать конкретную программу и тактику.

Плехановская марксистская концепция возникла в ту эпоху, когда самостоятельного рабочего движения в России еще не существовало, когда пути развития русской революции приходилось определять на основе общей исторической теории. Среди тех пятерых, составлявших группу «Освобождение труда», которые выступили в 80-х годах прошлого века пионерами марксистских идей в нашей стране, едва ли не все пришли к научному социализму путем знакомства с трудами Маркса и Энгельса, а через них – к анализу русской общественной ситуации. С этим связаны достоинства первых русских марксистов – высокий теоретический уровень мышления, умение схватить научный социализм как целое; но с этим же связаны и их недостатки – известного рода абстрактность, схематизм, пропагандистский, по преимуществу, характер их работ⁹⁵.

В работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» картина классовых отношений русского общества рисуется крупными мазками, без проработки отдельных деталей. Такие существенные проблемы, как выяснение роли буржуазии в русской буржуазно-демократической революции, создание партии нового типа, проблема политического воспитания пролетариата в ходе революционной борьбы, исследование сути аграрного вопроса в России и отношение пролетариата к крестьянским массам, – все эти актуальные для русской революции вопросы оставались в общем и целом в 80-х годах за пределами теоретических обобщений Плеханова. Связь борьбы социалистического пролетариата с судьбами других классов не доказывается в подробностях; она скорее постулируется Плехановым как естественная и само собой разумеющаяся предпосылка. В этом недостаток плехановской постановки вопроса о руководящей роли рабочего класса в русском освободительном движении, вследствие которого она уступает место ленинской идее гегемонии пролетариата.

Разрывая с народничеством, Плеханов ни в малейшей степени не склоняется к сектантству. Под углом зрения развития классовой самостоятельности пролетариата он рассматривает все вопросы пред-

стоящей русской революции. Он уверен в том, что возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. Никакой догматической боязни экономической и культурной отсталости страны, ограничения революционных задач пролетариата ввиду этой отсталости. Движение России по капиталистическому пути есть непреложный факт, отрицать который бессмысленно и реакционно: страна уже ступила «на след естественно-го своего развития». Однако это движение, доказывает Плеханов, не предопределено фатально, оно может быть более мучительным или менее мучительным для народа «в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны». При чем пролетариат, в котором сосредоточиваются все революционные интересы современного общества, в состоянии решающим образом повлиять на эту комбинацию. Развитие капитализма не застало социалистическую партию врасплох; она оказалась стоящей на более высокой ступени развития, чем буржуазные партии. Если это преимущество не будет потеряно, если социалисты сумеют организовать широкую пропаганду в рабочей среде, то отпор буржуазии будет решительным и энергичным и капиталистическая фаза будет превзойдена в исторически короткие сроки. Но не только внутренние факторы – социалистическое просвещение и организация русского пролетариата, его классовая самостоятельность – определяют, по мнению Плеханова, более короткий, чем в европейских странах, срок существования капитализма в России. Историческая среда, в которой происходит развитие русского капитализма, также будет способствовать ускорению процесса. «Наш капитализм отцветет, – доказывает он, – не успевши окончательно расцвести, за это ручается нам могучее влияние международных отношений»⁹⁶.

В своих первых марксистских работах Плеханов еще не ставит вопроса, каким образом сознательный пролетариат сумеет принять участие в буржуазной революции, не таская из печи «каштан» политического освобождения для буржуазии, – решение этой

⁹⁶ Там же. С. 337. В 1917 г. эти пророческие слова молодого Плеханова подтвердит история. Пролетарская революция станет навязываться событиями в качестве единственного выхода из национальной катастрофы, созданной мировой войной. Но меньшевик Плеханов и его газета «Единство» будут пятиться назад к союзу с буржуазией, будут клеветать на Ленина и большевиков как на бланкистов, которые якобы пытаются в экономически слабой стране ввести социализм, будут призывать революционные массы к поддержке Временного правительства.

⁹⁵ См. Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. 1983–1884. М., 1959.

трудной задачи было впереди. Однако он уверен: в предстоящей революционной борьбе русский рабочий класс должен вести самостоятельную политическую линию. «Наше "общество" лишено такого (как в Западной Европе. — И. П.) влияния на рабочий класс, и социалистам нет ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя...»⁹⁷.

Даже темное, политически неподвижное крестьянство — факт, с которым столкнулось и о который разбилось революционное народничество, — не пугает Плеханова; он уверен, что промышленные рабочие способны сыграть решающую роль в политическом развитии крестьянства. В крестьянской стране марксист Плеханов вовсе не думает игнорировать мужика. Напротив, выдвигая на первый план задачу политического просвещения рабочего класса, он тем самым надеется отыскать более действенные способы влияния революционной партии на сельское население. Не социалистическая интеллигенция сама по себе, а прежде всего сознательный рабочий способен обеспечить влияние революционных идей на народ. «Ни по привычкам мысли, ни по способности к физическому труду наша революционная интеллигенция не имеет ничего общего с крестьянством. Промышленный рабочий и в этом случае составляет середину между крестьянином и "студентом". Он должен, поэтому, послужить связующим звеном между нами»⁹⁸. Интеллигенция должна начать свое революционное слияние с народом не с крестьянства, а с пролетариата, но именно начать, приступая по мере развития и укрепления рабочего движения к систематической революционной работе в крестьянстве.

Итак, как мы видим, в лице Плеханова русское революционное движение преодолело своеобразный критический рубеж. То, что до преодоления этого рубежа казалось невозможным — образование в русском революционном движении собственно марксистского крыла, — стало естественным и необходимым в итоге деятельности группы «Освобождение труда». И наоборот, проторенный путь революционной борьбы, по которому еще продолжала идти «Народная воля», превращался в анахронизм и отсталость.

Однако отсутствие в России рабочего движения, предопределившее сугубо теоретический генезис русского марксизма, наложило печать ограниченности на *тип мышления* Плеханова и на

сих первых марксистов. Речь идет не только об абсолютизации европейского мира, о превращении его в некую норму всемирной истории. Иначе пионеры марксизма в России не могли поступить: в отсталой России в то время не было общественных сил, которые давали бы материал для конкретизации и переосмысления всеобщих формул марксизма. (Только гораздо позже благодаря Ленину русский марксизм превращает абсолютный для Плеханова, но не для Маркса, европоцентрический мир в мир всеобщей истории, где одни и те же социальные величины и действия по-разному соотносятся друг с другом.) Проблема заключается в другом. Новая мировоззренческая ориентация ограничивается у Плеханова и его друзей просто анализом стихийного развития действительности, как она существует в модусе необходимости, и не включает в себя познание состояния общественных субъектов, способных изменить эту действительность.

Если угодно, первые русские марксисты придерживались модели познания, которая ориентировалась на получение «научного», абстрактно-всеобщего знания о свойствах исторической действительности, а не имела своей целью конкретный практически-политический результат. Между тем марксизм ввел в теорию познания новую философскую позицию: вместо абстрактного абсолютного, гносеологического субъекта, стоящего в одинаковом отношении ко всем предметам, он признает множество экономически и политически конкретизируемых субъектов. Европейская онтологическая картина при этом не просто сохранялась в новой, всемирно-исторической картине, но включалась в нее как частный случай, более широкого исторического разнообразия.

Все это мы считаем нужным сказать читателю не для того, чтобы принизить научный подвиг Плеханова и группы «Освобождение труда», а для того, чтобы стали ясней гносеологические истоки принципиального расхождения Плеханова и его будущего ученика Ленина, меньшевиков и большевиков в ходе Русской революции. Конечно, нельзя непосредственно выводить возникшие в начале XX в. политические противоречия между Плехановым и Лениным из различия их теоретических установок, тем более, что оба они придерживались марксистской парадигмы. Само различие этих установок имеет другую основу. Пока речь шла просто об общей теории марксизма, об общих принципах учения, точка зрения Плеханова и его единомышленников не вызывала никаких возражений. К тому

⁹⁷ Плеханов Г. В. Там же. С. 346.

⁹⁸ Там же. С. 251.

же она была господствующей в российской социал-демократии. Но общие положения марксизма, верные для любой страны, для любых исторических обстоятельств, становились ложными, как только их непосредственно, без переосмысления применяли к конкретным условиям конкретной революции. Абстрактность, всеобщность оборачивалась на практике игнорированием новых возможностей революционного действия, а неумение творчески развить усвоенную теорию мстило за себя политической отсталостью.

Плеханов первый в России доказал необходимость борьбы рабочего класса за свержение самодержавия, но пойти дальше к поддержке социал-демократией крестьянского движения против помещичьей собственности он не смог: помешала абстрактно понятая формационная схема. Либо буржуазная, либо социалистическая революция, либо пролетариат действует вместе с буржуазией против царизма в буржуазной революции, либо он свергает господство буржуазии в революции социалистической – третьего России не дано. Представить себе *переходный* характер революционных мер в Русской революции, призванных осуществить в конечном счете радикальное переустройство общества, марксист Плеханов до конца жизни так и не смог. Пока речь шла о борьбе со старым русским народничеством, упор мыслителя на объективность исторического процесса, на необходимый ход вещей был понятным и правомерным, освобождавшим мышление революционеров от субъективизма. Однако к началу XX в. в России вызрела народная революция, в которой социал-демократии в силу ряда причин пришлось играть ведущую политическую роль. Непосредственное вмешательство пролетариата в ход событий превратилось в необходимость еще до того, как на повестку дня была поставлена «его собственная», социалистическая революция. В этих условиях упор на формационной схеме исторического процесса (сначала буржуазная революция, затем социалистическая) перерастал в непонимание конкретных политических задач момента, в принижение возможностей рабочего класса, тем более нетерпимое и опасное, что события революции поставили перед российской демократией вопрос о руководстве народным движением.

Возникновение пролетарской тенденции в освободительном движении России

*Рабочее движение в России. Появление социал-демократии*⁹⁹

После реформы 1861 года в России начался – в уже описанных выше тяжелейших условиях жизни трудящихся классов – быстрый рост промышленного пролетариата. Первые стихийные проявления его отпора фабрикантам и заводчикам в виде стачек имели место еще в 60-х годах XIX века. Однако значительный рост рабочего движения обозначился в 70-е годы: за десять-пятнадцать лет, с 1870 по 1887 гг., на промышленных предприятиях страны, по неполным данным, произошло 326 стачек и волнений; стачки стали превращаться в ведущую форму пролетарской борьбы.

Правда, подавляющее число выступлений пролетариата носило еще стихийный характер. И тем не менее у рабочих появилось чувство солидарности, чувство протеста против существующих порядков.

В общем потоке освободительного движения стала выявляться и крепнуть пролетарская струя, из рабочей среды выдвинулись первые вожак и организаторы рабочего движения – Виктор Обнорский, Василий Герасимов, Петр Алексеев, Степан Халтурин, Петр Моисеенко и др. С их именами связана появившаяся уже тогда тенденция к объединению экономических и политических задач рабочего класса, к сближению с социалистическим рабочим движением Западной Европы. Большое влияние на рост сознания пролетариата оказали пример Парижской Коммуны и деятельность I Интернационала. Под их воздействием возникли первые революционные организации российского пролетариата – пролетарские кружки, рабочие союзы.

В 1875 г. в Одессе возник организованный Е. О. Заславским «Южнороссийский союз рабочих», в 1878–1880 гг. в Петербурге был создан С. Н. Халтуриным и В. П. Обнорским «Северный союз русских рабочих». Оба Союза провозгласили идеи освобождения пролетариата из-под ига капитала, солидарности с социал-демо-

⁹⁹ Данная глава написана совместно с моим другом и соавтором Е. Г. Плимаком, ныне покойным.